

ПРОПИСИ ДЛЯ ВТОРОГО КЛАССА

Чистописание – это был такой, забытый теперь, предмет. Писать надо было чисто, без помарок и без клякс. И еще – с наклоном и правильным нажимом. Ручка была деревянной и называлась вставкой, или ласково – вставочкой, а перо, номер 86, было темно-золотым, металлическим, безукоризненно расщепленным на конце.

Все это для Лили было мукой смертной. Еще до школы она научилась читать, писать печатными буквами без ошибок, но страшно неряшливо. И вообще, как утверждала мама, а затем и учителя – Лиля была ребенком способным, но ленивым. И неаккуратным. Казалось, что перо цеплялось за каждую голубую линейку, а потом волокло за собой противный чернильный волосок. Помарка...клякса... Мама подходила, заводила глаза и делала бровями только ей присущее уничижительное движение. Испорченная страница аккуратно вырывалась с двух сторон, а в середину, под разогнутые скрепки, вставлялся новый разворот из запасной тетради. Иногда после слишком частых операций скрепка ломалась, тетрадь распадалась а Лиле залеплялась оплеуха.

Точно также, бровями, мама выражала свое отношение к действительности, наступившей после краткого расцвета независимой Эстонии до войны, в так называемое «эстонское», или «буржуазное» время . После эстонского времени наступили другие времена, которые мама характеризовала на еврейско-немецком воляпуке: «Фонькише ланд». Что это точно означало, Лили не знала, но догадывалась, что мама не любит Советской власти. Это приводило ее в ужас – мама, несомненно, была шпионкой, также, как и старуха по прозвищу «Рыжий воротник», совершавшая ежевечерний моцион по дорожкам соседнего парка. Старуха была подозрительна тем, что, гуляя, поглядывала на развалины дома,

разбомбленного Советской Армией при освобождении города. По абсолютно достоверному утверждению Пончика в развалинах водились немцы. Посреди каменного остова колыхалась страшная лестница без перил, которая вела на несуществующий третий этаж. Перекрытие второго этажа частично сохранилось, в центре кирпичных завалов зияла обширная и глубокая воронка, уходящая острием в подвал, в недостижимые земные дебри. Именно через эту дыру, по авторитетному утверждению Пончика, немцы ночью и выбирались наружу, чтобы, с помощью старухи, заниматься вредительством. Толстый хулиган Пончик жил по соседству в «Офицерском доме» - так называли только что построенный огромный дом с гипсовыми гирляндами и серпами и молотами вокруг окон. Дом был огромным только в длину, в высоту он достигал всего лишь пяти этажей, но, по примеру столичных собратьев, на крыше его высилась беседка с колоннадой, увенчаная шпилем с пятиконечной звездой. Беседка красиво называлась «Бельведер». В бельведере обычно было наделано. Довольно скоро дверь с чердака заколотили, и в бельведер попасть уже было нельзя.

В офицерском доме жили только русские. Действительно, в большинстве - семьи военных.

На этот дом мама тоже делала бровями, что укрепляло в Лиле самые страшные подозрения. Папы у Лили не было, но она чувствовала, что если бы папа был жив, то наверняка был бы маминым сообщником. Это не мешало Лиле вспоминать папу с нежностью, хотя помнила она его уже плохо. В памяти сохранилась радиопостановка «Три толстяка», которую она слушала с папой у черного пластмассового приемника «Филипс». Папа потом пел: «Учитель ...танцев... Раздватрис» и называл Лилю куклой наследника Тутти. Лиля падала на пол, закатив глаза. Сохранился подаренный папой жираф из папье-маше на деревянных зеленых колесиках. Когда папа был жив и уезжал, Лиля, тогда еще совсем маленькая, привязывала жирафа к ножке стула. Это означало, что жираф тоже уехал в командировку. По приезде папы жираф торжественно отвязывался. Но однажды папа не приехал. Разбуженная ночным телефонным звонком мать стала, плача, собираться в Ленинград, где папу настиг третий инфаркт. Лиля сразу поняла, что он уже умер, но не хотела маме говорить. За ней

посреди ночи приехал дядя Лоло (уменьшительное от Леопольд), младший папин брат, и увез к себе. На следующий день вся дядина семья плакала, но при виде Лили прятала глаза. Горше всех плакала лилина бабушка с папиной стороны, - Мирра, пережившая сына. Увидев как-то раз в стакане страшную розовую челюсть с зубами, Лиля начала подозревать, что бабушка Мирра – ведьма, но никаких последующих доказательств этому, к сожалению, не поступило.

То, что папа умер, от Лили скрывали, «чтобы не расстраивать ребенка». На кладбище ее, конечно, тоже не взяли. В отместку она выдумала, что двоюродный брат Эрик, якобы, ей сказал: «А у тебя умер папа». Его долго подвергали допросу с пристрастием, и Эрик стал относиться к Лиле еще хуже. Он уже ходил в школу и был красив неземной красотой. Эрик называл Лилю «писи-каки».

Лиля была поздним ребенком. Мать рассказывала, что до войны папа не разрешал заводить детей. Он подозревал, что в Эстонию придут или русские или немцы, или и те, и другие, как потом и оказалось. То есть, время для детей, по его мнению, было неблагоприятным. А после войны было уже, как бы, поздно. Вскоре мама решила, что у нее ранний климакс, но к врачу идти не спешила, хотя гинеколог, импозантный доктор Вильде, жил в том же доме, этажом ниже. Когда она, наконец, собралась, доктор Вильде, осмотрев ее, сказал по-эстонски: «Поздравляю вас, мадам Экстон, вы беременны.» На ее вопрос: «Аборт?», он категорически ответил: «Уже нет!» Про доктора Вильде рассказывали, что в ответ на эстонское приветствие: «Как поживаете?» (в точном переводе гласившее: «Как рука ходит?») он пространно объяснял, как и куда обычно ходит у него рука. Рука доктора Вильде сыграла, таким образом, значительную роль в появлении Лили на свет, еще и распутав пуповину, которой ее чуть не удушило при рождении...

Лиля уже с малых лет понимала, что с родителями у нее что-то не так. Папа был толстым и почти лысым и всегда держал в пальцах или мусолил во рту незажженную сигарету «Прима» - врачи категорически запретили ему курить, но выбросить сигареты полностью он так и не смог. Когда он приходил за ней в детский сад, дети кричали: «Лиля, дедушка пришел». Мама, правда, была стройной и выщипывала брови в ниточку перед круглым

увеличительным зеркалом, на котором сбоку висели папины бритвенные принадлежности. Волосы она укладывала сзади валиком в невидимую сеточку. Но у нее был очень странной формы нос, а одевалась она в какие-то иляпки, которые больше ничьи мамы не носили. Элегантные и неуместные платья с плечиками ей шила на заказ домашняя портниха, мадам Дубас, которая жила в Кадриорге – мама говорила «Катериненталь». Мадам Дубас по модным журналам обшивала также детей всего местного еврейского общества, поэтому на днях рождения все девочки были одеты очень красиво, но одинаково. Однажды она связала Лиле шерстяной синий костюм – юбку и кофту и расшила их цветочками. Мама гордо говорила, что это «ручная работа». Но кофта безумно кусалась, и под нее пришлось подшить слой марли, вместо подкладки.

Зимой Лилю одевали в цветные толстые рейтузы, вязаную шапку, высокие варежки-краги – все это тоже производства мадам Дубас. Черная заячья шуба затягивалась связанным ею же кушаком. Двигаться в таком виде было совершенно невозможно, но и не очень нужно. Лиля считалась болезненным ребенком, бегать ей запрещалось категорически. Она имела право медленно гулять с тетей Альмой.

Тетя Альма появилась в доме после смерти папы. Это была сухонькая и чистенькая остзейская немка, читавшая Лиле вслух бесконечные баллады Шиллера и Гёте. Лиля быстро запомнила немецкие стихи и забавляла гостей чтением наизусть : «Es standt in alten Zeiten» и “Heute wird die Glocke werden”.

Тетя Альма говорила на берлинском диалекте, поэтому лилины родственники, владевшие безукоризненным «Хох-дойч», смеялись над тем, как Лиля произносила «Jarten» вместо «Garten» и «Jehen» вместо «Gehen». Кроме этого, Лиля читала наизусть «Сказку о царе Салтане» и знала, что на словах -

.....честные гости

На кровать слоновой кости

Положили молодых

И оставили одних

- родственники начнут переглядываться. Но это ее не смущало. Была еще строка о том, что царица молодая с первой ночи понесла, но куда и что понесла, оставалось неясным. Эти стихи написал Пушкин.

Лиля очень любила стихи. Она закрывала глаза и бубнила их про себя «с выражением». Перед ней вставали картины: князь Гвидон на пустынном берегу натягивает лук; благородный рыцарь Фридолин склоняется перед княгиней Совернской; сын ведет под уздцы коня, на котором восседает старый певец, а также - королевич Елисей. Все герои были лицом похожи на двоюродного брата Эрика, хотя имели длинные волосы, завернутые книзу, как на гладкой голове лилиного целлулоидного пупса. Все они были одеты одинаково – в короткую охотничью курточку, обтягивающие рейтузы (слова « колготки» тогда еще не знали) и мягкие высокие сапожки без каблучков – как у эльфа на иллюстрации к сказке Андерсена «Дюймовочка» в книжке на эстонском языке. В двухтомных сказках Андерсена на русском никаких иллюстраций не было, кроме виньеток на большой первой букве.

И еще была одна любимая книга. Серый коленкоровый переплет, золотой обрез, тисненый золотом орнамент на обложке: что-то вроде лиры, увитой плющом, и одно слово посередине: Байронъ. На сей орнамент мама говорила, что это «Югендитиль». Это слово было знакомо – Эстонский театр драмы, к которому Лиля ходила гулять с тетей Альмой, тоже был «Югендитиль», и, действительно, между обложкой Байрона и серого камня зданием театра с башенками существовало какое-то раздражающе-неуловимое сходство. Целую вечность спустя, оказавшись во Франции, Лиля зацепилась взглядом за чугунное литье у входа в парижский метрополитен и ощутила мгновенный укол памяти – это была она, обложка Байрона, но стиль был, конечно же, никакой не немецкий «Югенд», а более грациозный «Нуво», или, как в России говорили – Модерн.

В «Байроне» тоже были стихи, но совсем неинтересные. И какая-то драма в стихах «Каинъ и Авель», где действующие лица обращались друг к другу с постоянными жалобами и претензиями. Но были прекрасные картинки, переложенные папирсной бумагой. Их можно было рассматривать без конца – дородные обнаженные женщины, задрапированные в шали, которые не прикрывали ничего, и поджарые, мускулистые мужчины, которым драпировка прикрывала как раз самые интересные места.

Куда позднее делся «Байронъ», Лиля не помнила. Скорее всего, после отцовской смерти, он отправился в комиссионку вслед за французскими мраморными часами с боем, где циферблат раскачивался между колонками на золотых цепях, как хрустальный гроб мертвой царевны. В комиссионку отправились и сама царевна – прелестная фарфоровая танцовщица в кружевном платье, перехваченном фарфоровыми розочками, и маленький стеной шкафчик, в котором она обитала. Кружева были мягкими на вид, но острыми на ощупь, потому что тоже были сделаны из фарфора. Мама когда-то, «в эстонское время», собирала фарфор и небрежно бросалась названиями – Мейссен, Сакс, Кузнецов и Гарднер. Гарднеровскими были шесть тарелочек с пастушками и овцами на доньшке и широкой, красной с золотом, каймой.

От буржуазного времени осталась также большая банка с пуговицами и застежками-молниями. Но это были не грубые стальные советские молнии, продававшиеся в магазинах или виштые в юбки, где их постоянно заедало. Эти молнии были широкими, эбонитовыми или костяными, каждый зубчик на них был фигурно вырезан, а сбоку по всей длине пришиты маленькие деревянные цветочки. Пуговицы в банке были разные – от огромных перламутровых ромашек до набора мастей игральных карт – черные пики и трефы, и красные – черви и бубны. До войны мама работала бухгалтером в огромной галантерейной торговле «Брашинский и Ко», и пуговицы сохранились с тех пор. Кроме того, в шкафу время от времени отыскивались большие мотки гарусной нитки, а один раз попался странный сетчатый мешочек на резинке, назначение которого осталось для Лили неизвестным. В шкафу висели штук пять папиных фраков с хвостами, два его полотнянных летних костюма и целый воз маминых платьев с плечиками. Мамина подруга, кривая на один глаз Нэнси Эдельхаус, говорила, что в эстонское время мама и папа были самой элегантной парой в городе. У тети Нэнси был нервный тик, и она постоянно трясла головой. Как оказалось, тик и кривоту она приобрела вследствие полученной во время эвакуации легкой контузии. Но мама утверждала, что в своё время у тети Нэнси был роман с известным рижским композитором, который именно ей посвятил свое знаменитое танго «Черные глаза». Тётю Нэнси звали полностью Нахама Иделевна, и она жаловалась, что на работе ее

называют *Идоловной*. Она жила в крохотной комнатке коммунальной квартиры, и раз в неделю приходила к маме и Лиле «с ночевкой», чтобы помыться в ванне с горячей водой. Кроме тика и кривого глаза у нее была только одна грудь, и Лиля с ужасом рассматривала пересекающий ее тело глубокий и уродливый шрам...

... Шкаф был огромный, зеркальный и трехстворчатый. Из него можно было делать «трельяж» и, отворив до предела две крайние створки, создать великолепную череду идентичных сестер-подружек, уходящих в бесконечность, как ряд американских «гёрлз». Не имевшая сестер или братьев Лиля часто пользовалась этим оптическим обманом. Был и другой трельяж – три створки зеркального трюмо, и еще – зеркальный задник посудной горки, в которой все «Кузнецовы», «Спуды» и «Гарднеры» отражались вдвойне и внутри которой пахло необъяснимо прекрасно. Лиля совала внутрь голову и, раздувая ноздри, вдыхала тонкий запах грушевого дерева, пропитанного воском, водя пальцами по бесконечному орнаменту бронзовой инкрустации...

Вся эта мебель, с кроватью, креслами и двумя тумбами–постаменами с мраморными крышками, именовалась Людовик XVI, или Луи, как говорила мама. Венчало гарнитур огромное фарфоровое овальное зеркало с морской раковиной и двумя розовыми амурами. Почему-то считалось, что оно из дворца Кшесинской.

...Стоп. Воспоминания о мебели следует исключить, как совершенно не имеющие отношения к развитию сюжета, который, на самом деле, еще даже не начинался. Хотя ...

Итак, в многочисленных зеркалах Луёвой спальни отражался долговязый, большеротый и черноглазый ребенок с сильно оттопыренными большими ушами. Косы мама заплетала Лиле на особый манер, затягивая назад, от чего уши выделялись еще больше. Вперед выступали два больших заячьих зуба. Умерший лилин папа обладал оригинальным овалом лица с фестонами брылей по бокам, и, со скидкой на возраст, Лиля эту форму лица повторяла. Таким фестончато-щекастым лицом характеризовалась все лилина родня с

папиной стороны. Знакомые родителей бросались на Лилю и, всплескивая руками, щипали за щеки с криком : «Ну, вылитая Тотси!». Тотси была единственной папиной сестрой, погибшей с мужем и двумя детьми во время немецкой оккупации в рижском гетто. В общем, Лиля была довольно непривлекательным ребенком, и, видимо поэтому, популярностью в школе не пользовалась.

И было еще одно обстоятельство – проклятый ранец. Мама купила Лиле ранец вместо портфеля, чтобы не было искривления позвоночника. Кроме нее в классе ранец носил второй и единственный еврейский ребенок - хорошенький, толстенький и кучерявый Мишель (!) Крупкин, ходивший в коротких штанишках и коричневых хлопчатобумажных чулках на резинках. Между чулками и штанами белели жирные ляжки. Заслышав фамилию Крупкин, мама сделала бровями и сообщила, что его папа, хотя он и “ex-nostris”, но в эстонское время работал швейцаром в еврейском социалистическом клубе «Лихт»... Было непонятно, что именно вызвало мамино раздражение – швейцарство ли старшего Крупкина или его принадлежность к социалистическому клубу, пусть даже в прислуживающем качестве. В эту скользкую тему лучше было не вдаваться... “Ex-nostris” означало – «из наших», то есть - из местных евреев.

Однокласники, как все нормальные дети, криво таскавшие нагруженные портфели в вытянутых руках, с грохотом били Лилю и Мишеля по ранцам с криком: «Жид по веревочке бежит». Мишель Крупкин, тоже, конечно, популярностью не пользовался. Популярностью пользовалась отличница Тамара – обладательница двух роскошных кос и звонкого голоса. Мама Тамары была парторгом крупного номерного завода, а папа работал в Министерстве Госбезопасности. В конце классного журнала был список с местами работы родителей, где чаще всего фигурировали аббревиатуры МВД и МГБ. В списке выделялась лилина мама с местом работы «Ликеро-водочный завод», что вызывало у одноклассников здоровый хохот. Однокласники, несомненно, знали значение слов «водка» и «ликёр». В рот не бравшая спиртного, лилина мама работала на ликеро-водочном заводе бессменной секретаршей у директоров, которые сменялись почти каждый

год. С каждым из них она жестоко враждовала, но о каждом потом горько плакала после очередного увольнения, а иногда – и посадки.

Учительница Надежда Ивановна прикрепила старосту Тамару к Лиле, чтобы подтянуть ее по чистописанию. Тамара писала аккуратнее всех в классе, её тетради без единой пометки и с безукоризненным нажимом красовались на всех выставках ГОРОНО.

В зеркальном великолении Людовика Тамара сначала несколько оторопела, но быстро взяла себя в руки – ведь она была старостой класса. Но даже больше, чем зеркала, ее поразила парта. Да, у Лили дома стояла настоящая парта, которую по специальному маминному заказу обрезают в одноместную в ликеро-водочных мастерских. Мама считала, что сидение за партией способствует правильному положению спины.

Усадив Лилю за еврейскую парту, Тамара взяла учительский тон. Но то ли у нее действительно был незаурядный педагогический талант, то ли Лилины пальцы, наконец, приновились к вставочке - пометок на странице явно стало меньше. Воодушевленная успехом, Тамара посоветовала Лиле больше практиковаться и ушла домой. Лиля тоже была на подъеме и продолжала писать. Тонкая линечка, нажим - макнуть в чернильницу - тонкая, опять нажим... Уф! Сама не заметив как, Лиля дошла до последней страницы прописей и красиво переписала в тетрадку:

Румяной зарею

Покрылся восток,

В селе за рекою

Потух огонек.

А.С.Пушкин.

Стишок Лиле понравился, и чутье ей подсказывало, что у стихотворения должно быть продолжение. В первый раз в жизни чистописание приносило удовольствие, и Лиля отправилась на поиски. Открыв оглавление синего трехтомника Пушкина из «Библиотеки поэта», Лиля поняла, что найти «Румяную зарю» будет непросто – названия-то она не знала. Пришлось листать по страницам, но, почему-то популярного стихика не нашлось, тем не менее, строчки из прописей прочно въелись в память.

Лиля сама пописывала стихи, а один раз их даже напечатали в школьной стенгазете:

*Я живу в стране счастливой
Самой лучшей на земле.
Я иду по ней свободно,
Все пути открыты мне.*

*Если был ты в Ленинграде,
Видел площадь и дворец –
Там сражались наши деды,
Там врагам пришел конец.*

Насчет дедов Лиля была не совсем уверена, но решила, что поэтическая мысль оправдывает некоторую фактическую неточность. Публикации принесли ей известность и похвалу от учительницы Надежды Ивановны и даже директора школы Лидии Сергеевны Авасалу, всегда ходившей с таким лицом, будто во рту у нее кусок лимона. Кисло похвалив Лилю, она велела прочитать стишок на пионерской линейке. А линейка в этот день была особенная – всех выстроили в актовом зале и включили радиоприемник. Хорошо поставленный голос Левитана произнес, что сегодня в Советском Союзе успешно произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Все громко зааплодировали и закричали ура. Лиля прочитала про дедов, ей тоже похлопали, но уже меньше.

В ту же субботу мама надела шляпку и пошла в гости к дяде Леопольду. Лилю она взяла с собой, нарядив в бархатное платье и лаковые туфли. Эрику, который уже учился в классе пятом, было скучно. В школе он обычно Лилю полностью игнорировал, но на этот раз снизошел:

- Чему ты так радовалась, писи-каки? - сказал он.- У американцев есть спутник еще лучше нашего!*
- Что же они его не запускают? - как можно язвительней поинтересовалась Лиля.*

- *А они сразу запустят на Луну! – сообщил Эрик, жуя пирожное, - Ну и стих ты сочинила! Тоже мне – Пушкин! Интересно, какой это дед у тебя Зимний штурмовал?*

Понимая справедливость критики, Лиля промолчала. Тут Эрик, противно ухмыляясь, пообещал показать ей такого Пушкина, которого она в жизни не читала.

В квартире у дяди Леопольда проживал сосед, дядя Аля – невысокий и сутулый человек с подвижным обезьяньим лицом. Его коронным номером было публичное поедание арбуза, обвязавшись до ушей полотенцем. Именно из дяди Алиной комнаты и вынес Эрик толстую тетрадь в коленкоровом переплете.

На первой странице каллиграфическим почерком, как в прописях, было выведено: Пушкин. «Стихи не для дам». Вначале шла «Гаврилиада», но, зацепившись за слова «еврейки молодой мне дорого душевное спасение», Лиля все-таки в ней мало что поняла. А дальше... Дальше шла «Вишня», и сердце Лили забилось быстрее – это была она – «Румяная заря». Начав читать, Лиля почувствовала что стихотворение, независимо от ее воли набирает темп:

...пастушки младые

Спешат к пастухам...

Лили помчалась дальше. Каждое слово навечно западало в память.

Среди двух прелестных,

Белей снега ног

На сгибах чудесных...

Лилю абсолютно ничего не смутило. Через минуту она знала «Вишню» наизусть, а придя домой, аккуратно переписала ее по-памяти в тетрадь по чистописанию.

Гроза разразилась через два дня. Надежда Ивановна ворвалась в класс совершенно красная и скомандовала:

- Экстон, к директору.

Лиля растерянно поднялась из-за парты. Она решительно не понимала в чем дело. На столе у Лидии Сергеевны лежала злополучная тетрадь.

- Где ты это взяла? – раздался грозный голос.

- Что? – не поняла Лиля.

- «Вишню».

- Это Пушкин,- попыталась объяснить Лиля. – Из прописей.

Но директриса была обуреваема праведным возмущением.

- Как ты могла принести эту гадость в школу? Кто тебя научил?

Почувствовав, что дело плохо, Лиля принялась спасать свою шкуру.

-Это Эрик, - сказала она, глотая слёзы.- Мой двоюродный брат. У него дома... У дяди Али ... Целая тетрадь... Не для дам....

- Так, - грозно пророкотала Лидия Сергеевна. – Иди в класс. Никому ни слова.

В субботу в квартире у дяди Леопольда раздался звонок. На пороге стояли Лидия Сергеевна, Надежда Ивановна и еще четыре женщины из родительского комитета.

Сквозь клубящийся сигаретный дым они в столбняке рассматривали дамское общество, которое за обеденным столом, обращенным в карточный, резалось в популярную в Прибалтике игру «Кункен». В соседней комнате респектабельного вида мужчины в бабочках играли в «Бридж». Кое-кто из гостей потягивал коньяк.

- Притон, - вхлинула директриса...

Через несколько дней мама сообщила, что дядю Леопольда уволили из начальников отдела снабжения и сбыта трикотажного завода и вlepили выговор по партийной линии. Тетю тоже, вроде, «проработали» на службе, но в чем состояла проработка, мама не объяснила.

Подняв брови, она строго-настрого наказала Лиле не разговаривать больше с Эриком, и добавила, что ходить к ним в гости они никогда больше не будут.

- Что может понимать ребенок,- возмущалась чем-то мама, и грустно добавила: « Фонькише Ланд!»